

ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТЬ, БИОГРАФИЯ

Д. В. Долгушин

БИОГРАФИЯ КАК ИСКОМОЕ: СЛУЧАЙ Г. С. БАТЕНЬКОВА¹

В статье рассматриваются проблемы изучения биографии Г.С. Батенькова. Под биографией понимается концепция, структурирующая опыт на основе «авторегулятивных конструкций», «жизненных гештальтов». В роли таких «гештальтов» у Батенькова выступали то сентименталистский код «милого вместе», то код кантианской философии, то «наполеоновский» код, то романтический код «узника», то код поэтической теургии и пророческого учительства, но ни одна из этих биографических стратегий не стала для Батенькова окончательной. Развитие каждой прервалось сокрушительной внутренней катастрофой. В этом обстоятельстве, очевидно, и заключена разгадка «странности» личности Батенькова.

Ключевые слова: Г.С. Батеньков, биография, декабристы, русское кантианство, русский сентиментализм, русский романтизм, Елагины-Киреевские

«О Батенькове много писали, но тайна его судьбы до сих пор не разгадана»². Эти слова М.О. Гершензона, предварявшие публикацию писем Г.С. Батенькова в «Русских пропилеях» 1916 г., по большому счету справедливы и сегодня. Несмотря на огромный собранный фактический материал, «тайна судьбы» Батенькова остается не разгаданной и, имея несколько подробных жизнеописаний Батенькова, мы до сих пор не имеем его биографии. Любая биография есть «результат диалогического взаимодействия философского мировоззрения и жизненных обстоятельств»³, и если обстоятельства, прихотливо и неожиданно врывавшиеся в жизнь Батенькова, известны, то его мировоззрение до сих пор остается величиной неопределенной.

Было сделано две попытки артикулировать это мировоззрение и тем самым концептуализировать биографию Батенькова. Первая принадлежит советской историографии. В ней мировоззрение Батенькова было локализовано областью политических идей. Общественно-политические вопросы рассматривались как главные вопросы Батенькова, а его жизненный путь воспринимался *sub specie societatis*. Политическая программа Батенькова интерпретировалась по-разному: одни авторы настаивали, что он – умеренный конституционный монархист, а другие утверждали, что он – радикал. В любом случае Батеньков предстал

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Совместный конкурс научных проектов РГНФ-ИППО – грант № 15-64-01001. В основу статьи положен доклад, сделанный на VI Лотмановских днях «Biographia sub specie semioticae» в Таллинском университете (2014).

² Русские пропилеи... С. 20.

³ Живов 2005.

революционером, политическим деятелем, трагическим героем борьбы с самодержавием. Такая концептуализация биографии, вполне допустимая для некоторых декабристов, вступала в противоречие с фактами жизни Батенькова, и образовавшиеся противоречия приходилось сглаживать: религиозно-философские заметки Батенькова либо замалчивались, либо истолковывались как зашифрованное политическое послание, непродолжительные связи с деятелями Северного общества преувеличивались, его увлечения масонством и философией Шеллинга не отрицались, но и не акцентировались.

Попыток рассмотреть жизнь Батенькова *sub specie aeternitatis*, т.е. концептуализировать его биографию как биографию религиозно-философского мыслителя, немного. Первая из них принадлежит М.О. Гершензону, который в предисловии к публикации писем Батенькова и его заметок религиозно-философского характера, набросал яркий портрет Батенькова-мистика⁴. Этот портрет оказался стилизованным. Не особенно ссылаясь на конкретно-исторический контекст, Гершензон усвоил своему герою неоромантические черты, столь близкие мировоззрению самого Гершензона и мистическим увлечениям Серебряного века в целом. Центральным событием в жизни Батенькова он считал «духовное озарение», пережитое декабристом во время двадцатилетнего одиночного заключения, а главными текстами, сохранившими «тайны прозревшего духа», – его неопубликованные тюремные тетради. Частичная публикация этих тетрадей Б.Л. Модзалевским⁵, казалось бы, должна была дополнить эскиз Гершензона новыми красками, но этого не произошло: Модзалевский пришел к выводу, что в тетрадях запечатлелись не духовные озарения, а всего лишь психическая болезнь.

Дискуссия вокруг тюремных тетрадей и религиозно-философских взглядов Батенькова стала одной из постоянных тем посвященной ему литературы 1930–1980-х гг.⁶ В 1990–2010-х гг. вышли работы, в которых исследовались масонские связи Батенькова, его увлечение немецкой философией, проводилось сопоставление его религиозно-философских исканий с исканиями Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, появились исследования, ставившие цель целостной реконструкции его мировоззрения⁷. Однако, несмотря на это, биография Батенькова до сих пор остается чем-то искомым, а не найденным. Почему же столь насыщенная необычными событиями жизнь, явно дающая «право на биогра-

⁴ Русские пропилеи... С. 20–27.

⁵ Модзалевский 1918.

⁶ Чернов С. 1933. С. 60–69; Карцов 1965. С. 167–184; Снытко 1966. С. 295–296; Зверев 1975; Илюшин 1978. С. 14–17.

⁷ Анненкова 1989. С. 121–156 (глава «Г.С. Батеньков и Гоголь»); Канунова 1994. С. 62–64; Канунова, Айзикова 2001. С. 117–132 (глава «В.А. Жуковский и Г.С. Батеньков (к вопросу о религиозно-эстетических влияниях)»); Ведьмин 2002; Юшковский 2005; 2007; 2009; Зенкин 2012.

фию»⁸, не только не стала основой общепризнанного биографического мифа⁹, но даже не поддавалась специальным усилиям ее концептуализации? Причина этого – в особенностях мировосприятия Батенькова.

Прежде чем перейти к раскрытию этого тезиса, следует пояснить, что термин «биография» мы, вслед за Б.В. Дубиным, понимаем в двух смыслах: во-первых, как «схему упорядочивания собственного опыта, авторегулятивную конструкцию»; во-вторых, как воспроизведение данной схемы биографом в «акте биографирования, биографической реконструкции, «внешнего» понимания»¹⁰. Основа биографической схемы, или биографической (авто)концепции в обоих случаях сводится к «некоему жизненному гешталту или проекту»¹¹, «связывающему» воедино эмпирический материал жизни. Биография не является однородной последовательностью событий, скорее, она представляет собой совокупность неких экзистенциальных «всполохов», «мгновений». Акты автобиографирования и биографирования придают им континуальность, связывают мгновения воедино, артикулируют их, тем самым усваивая им структурность. Специфика ее в каждом конкретном случае и определяется особенностями конкретных биографических «гешталтов», в роли которых в первой половине XIX в. часто выступали «культурные коды эпохи»¹² – биографии великих людей, сюжеты литературных произведений, образы театра и изобразительного искусства.

Структурность биографии Батенькова трудно выявить именно потому, что мы не находим у него связной, «окончательной» автоконцепции. Это не значит, что он не пытался ее создать, напротив, в течение жизни он апробировал ряд биографических стратегий. Однако ни одна из них не осуществилась полностью, развитие каждой прервалось сокрушительной внутренней катастрофой. Характерно, что в своих итоговых, написанных в 68-летнем возрасте, мемуарах¹³, которые могли бы стать «наиболее совершенной экспликацией», «пониманием и истолкованием собственной жизни»¹⁴, Батеньков не предлагает никакой авто-

⁸ Лотман 1992. С. 365.

⁹ Отдельные ее события достигли этого статуса: героическое сражение под Монмиралем и пленение Батенькова французами; его сотрудничество со Сперанским и с Аракчеевым; участие в декабрьских событиях 1825 г.; двадцатилетнее одиночное заключение. Проблема состоит в том, что они не связаны сюжетностью воедино.

¹⁰ Дубин 2001. С. 99–100. Эти смыслы связаны друг с другом не только терминологически, но и генетически. Биография является и способом «самопонимания», и средством «самопредъявления» Поэтому автоконцепция, «предъявленная» историческим лицом (в избранных им моделях поведения или в автобиографии), может быть подхвачена биографом и стать основой биографической реконструкции.

¹¹ Дубин 2001. С. 104.

¹² Лотман Ю.М. Литературная биография... С. 371.

¹³ Специально о воспоминаниях Батенькова см.: Чернов 1933; Дмитриева 2006.

¹⁴ См.: Голубович 2008 (раздел 2.1 «Обоснование «наук о духе» у В. Дильтея. Специфика «Geisteswissenschaften» в контексте биографического подхода»).

концепции, не выступает ни в каком историческом амплуа, не использует никакого культурного кода. Вместо этого он занимается интроспекцией, скрупулёзным анализом особенностей своего мировосприятия – в самом прямом смысле этого слова: не мировоззрения, не особенностей характера или эмоционального склада, а именно восприятия мира в его пространственно-временных, субстанциальных и причинных связях. Итоговым вариантом биографизма для Батенькова оказывается попытка ответить не на вопрос: «кто я?», а на вопрос: «каков мир?», причем мир понимается им как выстраиваемая разумом реальность.

Возможно, самой адекватной исследовательской стратегией понимания Батенькова является стратегия, избранная В.Н. Топоровым: уяснить «до-мировоззренческие», «до-биографические», феноменологические особенности его мировосприятия. Топоров убедительно доказывает, что Батенькову свойственно воспринимать реальность сквозь призму пространственных впечатлений, причем (обратим на это особое внимание!) пространство влекло, но одновременно и пугало его: в пространстве для Батенькова «не изжиты элементы хаоса», «ритмы этого пространства – хтонические»¹⁵. Ощущение угрожающей силы хаоса, готового поглотить мир, сказывалось даже в литературном стиле Батенькова, который, когда Батеньков пишет на религиозно-философские темы поражает своей архаичностью и нарочитой неуклюжестью¹⁶. Кажется, что он борется с косноязычием – не своим, а с косноязычием мира. Мир косноязычен – это значит, мир не словесен, мир – не от космоса, а от хаоса, причем хаос для Батенькова – не условно-романтический литературный топос, а страшная и мучительная реальность. В этом отличие его дихотомии космоса и хаоса от аналогичной дихотомии у Ф.И. Тютчева. У Тютчева хаос и космос примиряются силой поэзии: поэтическое слово соединяет их в гармонию «отрешенной стройности ритма»¹⁷ стихотворной речи. У Батенькова же хаос рассыпает речь, и сила хаоса не умеряется поэтическим утешением. Однако, ощущая грозную мощь хаоса, Батеньков был не согласен капитулировать перед ним и признать хаос онтологически изначальным состоянием мира. И в этом его отличие от

¹⁵ См.: Топоров 1995. М.И. Шапир, поставивший под сомнение подлинность части опубликованных А.А. Илюшиным стихов Батенькова, опасался за обоснованность выводов Топорова, в силу того, что они, возможно, отчасти базируются на мистифицированных текстах (*Иланур* 1997. С. 97–98). Но рассуждения Топорова вполне согласуются и с теми текстами Батенькова, достоверность которых не может быть оспорена, – с автобиографической, эпистолярной и философской прозой. Мы будем опираться, в основном, именно на эти прозаические тексты.

¹⁶ Ср. замечание С.Н. Чернова: «что касается языка его автобиографии, то он, как и вся его манера выражения, лишь с очень большим трудом поддается пониманию: то же самое встречается и в некоторых других его писаниях – чаще там, где он ведет глубокий, преимущественно психологический анализ» (*Чернов* 1933. С. 82).

¹⁷ *Аверинцев* 2005. С. 410.

Л. Шестова¹⁸. Для Шестова мир абсурден, и эту абсурдность должно честно и мужественно принять, а покушение сделать мир «логичным» есть не что иное, как трусливая попытка самообмана, попытка укрыться от трагизма мира в уютном мирке своего мировоззрения, постыдное и малодушное бегство, потому что абсурд мира непреодолим. Для Батенькова мир потенциально хаотичен, но этот хаос принять нельзя, с ним нужно бороться. Хаос страшен, жуток, но его можно и должно структурировать, из него можно пытаться сделать космос, т.е., в соответствии с этимологическим смыслом слова, нечто устроенное и в своей стройности прекрасное. Выстраивание биографии ощущалось именно как «устройство», «упорядочивание» жизни, преодоление темной силы хаоса, угрожающей ей. Но в определенный момент хаос прорывался – тогда Батенькова охватывал панический ужас, и уже выстроенная жизненностроительная стратегия распадалась, оформленный биографический космос рассыпался. Это была точка дискретности, точка бифуркации. В жизни Батенькова периоды поступательного развития биографических стратегий перемежались с катастрофическими разрывами. Всякий раз переживания таких разрывов надолго запоминались и потому находили отражение в текстах – мемуарных, эпистолярных, философских.

Первый раз чувство панического испуга перед хаотической неупорядоченностью мира Батенькову довелось испытать в детстве. Из-за слабого здоровья в младенчестве он не покидал дома: «меня не выпускали из горницы, и никакой широты я не видал» (т. 2, с. 93)¹⁹. Внешний мир ребенок наблюдал лишь в окно, и тот казался ему организованным планометрически, причем плоскостью планометрической проекции, конечным пределом мира выступала тобольская Кремлевская горка: «весь круг знания ограничивался дальнею горою, на которой, как в волшебном фонаре, мелькали по временам маленькие человечки и веселили меня» (т. 2, с. 92). Первый выход в город привел Батенькова к потрясшему его открытию: оказалось, что кроме длины и высоты у мира есть еще и глубина, а Кремлевская горка вовсе не является концом мироздания, за ней еще много пространства. Столь радикальная хаотизация привычной картины мира привела мальчика в полное смятение²⁰: «когда взяли меня гулять по улицам города, чувство пространства так на меня подействовало, что я испугался: прижался к

¹⁸ Гершензон любил сравнивать с ним Батенькова, считая, что он «употреблял даже слова, точно заимствованные из книг Шестова». – Русские пропилеи. С. 24.

¹⁹ Тексты Батенькова здесь и далее цитируются (с указанием тома и номера страницы) по наиболее полному их изданию: *Батеньков* 1989; 2016.

²⁰ По тонкому наблюдению С.Н. Чернова, возможно, что рассказ об «обстоятельствах своего духовного и физического развития в раннем детстве» Батеньков строил «по образцу некоторых своих поздних, повторных процессов развития» (*Чернов* 1933 С. 84), имевших место, когда по выходе из тюрьмы декабрист заново учился жить с людьми. Но это не отменяет реальности его детских переживаний.

отцу и не смел внимательно смотреть на предметы, вновь мне во множестве представшие, едва не заплакал, ходил, почти не помня себя, и когда возвратился домой, рад был, как избавившийся от великой беды, как погибавший и спасшийся» (т. 2, с. 94). К такому же смятению привело Батенькова и обнаружение отсутствия границ времени. Он вспоминает, что в детстве его поразили слова из Символа веры «Его же Царствию не будет конца», и мысль о вечности, понятой как бесконечная временная длительность, преследовала его неотступно: «я понял смысл слов: *не будет конца*, обратив это на муки в аду, и уединился. Вспомню «не будет конца», забудусь и опять вспомню, ибо воспоминание продолжается одно мгновение. Мучился я подолгу, и мысль сделалась неотступной. Хотелось спастись, чего бы ни стоило, и, услышав о жизни св. Даниила Столпника, я рассудил, что это самое трудное и потому решительное средство. Вскарabalся, хотя и с боязнью, на один из заборных столбов в городе с намерением простоять на нем во всю жизнь. Через несколько минут закружилась у меня голова и напал такой страх, что я закричал во все горло» (т. 2, с. 100).

Освоение взбунтовавшихся пространства и времени, возвращение им границ, придание формы открывшемуся простору бесконечности давалось Батенькову нелегко: «целые годы провел я, – вспоминает он, – стараясь совместить в себе два первые начертания: *год и горизонт*, нечто сходное с математическими кругами» (т. 2, с. 93). Вероятно, отсюда и любовь Батенькова к математике, в которой пространство и время предстают упорядоченными, укрощенными, структурированными. В последующем Батеньков делает работу по оформлению пространства своей профессией: в 1816 г., несмотря на уговоры друзей, он оставляет военную службу и, сдав экзамены на звание инженера, поступает в Корпус инженеров путей сообщения. На этом поприще он дослужился до должности начальника 10 округа, построил набережную и мост через реку Ушайку в Томске, спроектировал набережную Ангары в Иркутске, сделал проект тракта вдоль Байкала. Затем последовала бурная административная деятельность в качестве сотрудника М.М. Сперанского (1819–1822), а затем А.А. Аракчеева (1823–1825), этих двух гениев упорядочивания и систематизации. Она тоже понималась Батеньковым как труд оформления, родственной математическому. Свою работу над документами он описывает в следующих терминах: «отделы, главы, параграфы так и толкали друг друга, стройно ложились в ряд, как будто в геометрической лекции. Пишешь, бывало, как стенограф, а весь в жару. Произведение выходит стройным» (т. 2, с. 98).

Вся эта сторона жизни осмыслялась Батеньковым с помощью понятийного аппарата кантовской философии, с которой он познакомился еще во время заграничных походов русской армии. Как ни странно, именно кантовскую терминологию, далекую от всякого экзистенциаль-

ного контекста, он использует для осмысления биографического пути²¹: «посему и избрал путь **априорический**, все вверх и вверх, и, отойдя далеко от действительности, принужден был обратиться к разумению **рассудочности, чувствованию, опыту**. Надолго лишенный **деятельности**, приобрел и к ней непреодолимую жажду и с получением свободы весь обратился на практику, занимался неутомимо хозяйством, приводил в движение данные семейной жизни до **произвольных** забот, **бескорыстно** имея в виду одни душевные присвоения и критериумом чисто нравственное начало» (т. 2, с. 102). Говоря о «пути априорическом», который привел его к «разумению рассудочности, чувствованию, опыту», Батеньков опирается на терминологию «Критики чистого разума» и «Прологомен ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Действительно, по мысли Канта, высказанной в этих книгах, знание состоит из априорных элементов (форм чувства и категорий рассудка) («**рассудочность**») и апостериорных элементов (данных органов чувств) («**чувствование**»²²). Соединившись друг с другом, априорные и апостериорные элементы, по Канту, формируют феноменальный мир («**опыт**»). Получается, Батеньков считает, что до освобождения его интересы были сосредоточены в сфере чистого разума (возможно, он имеет в виду свои занятия математикой²³, которую Кант трактовал как априорную науку, занимающуюся исследованием форм чувства, т.е. пространства (геометрия) и времени (алгебра)). После освобождения они сосредоточились в сфере практического разума – этим термином Кант в «Критике практического разума» называет нравственную способность, реализующуюся в этическом поведении («**деятельности**»), важнейшим атрибутом ее является **бескорыстие**. Когда Батеньков пишет о «**чисто нравственном начале**» как единственном «**критериуме**» «практики», он имеет в виду едва ли не нравственный императив Канта. Таким образом, кантовская философия становится у Батенькова биографическим «гештальтом».

Характерно и вполне кантианское название мемуаров Батенькова – «Данные. Повесть собственной жизни», и его пояснение, обращенное к читателю: «я – единственное ваше орудие для собрания данных и обращения с ними» (т. 2, с. 91). Фактически, под «я» он имеет в виду то, что

²¹ Полужирным шрифтом в приведенной ниже цитате нами выделены кантианские по происхождению термины.

²² Возможно также, что «**чувствование**» в словоупотреблении Батенькова соответствует формам чувства, а «**рассудочность**» – категориям рассудка.

²³ «В начале двадцатых годов Батеньков намеревался всецело посвятить себя математике, он собирался даже преподавать ее в высших учебных заведениях. Она была для Батенькова не только философией, но и поэзией: ей он посвятил стихи и, восхищаясь ее могуществом, в стихотворении «К математике» предсказывал, что она раздвинет горы, проложит дороги над реками и будет вести по морям «корабли над кораблями».» (Снытко 1966. С. 300–301).

Кант называл трансцендентальным единством апперцепции, которое, основываясь на первоначальной апперцепции, т.е. на осознании субъектом тождества своего «я», обеспечивает синтез, определяет законы и строение феноменального мира. Безусловно, Кант не согласился бы с тем, что трансцендентальное единство апперцепции можно трактовать как акт воли, связанный с конкретной личностью, но у Батенькова получается именно так: его интересует, как в его, Батенькова, сознании выстраивается мир – мир «данных», который можно разрушить и пересоздать. Пред нами кантианство, хотя и вульгаризированное, но за счет вульгаризации приобретшее экзистенциальный характер.

Когда Батеньков стал использовать кантианский аппарат в качестве инструмента авторефлексии? С философией Канта он познакомился в молодости, возможно, благодаря своему близкому другу А.А. Елагину²⁴. Но экзистенциально заинтересованное, отношение к философии Канта сформировалось у Батенькова, очевидно, в период одиночного заключения. В ту сложную смесь мистической экзальтации, поэтического экстаза, политического мессианства и психической болезни, которая склудилась в душе Батенькова в рavelине Петропавловской крепости, в качестве одного из главных ингредиентов входила немецкая философия – причем не только в своем шеллингианском изводе, но и в виде своеобразно интерпретированного кантианства. Сам Батеньков, так подводил итоги пережитого в тюрьме: «я в самом деле сделался порядочным философом, и, к довершению бед, немецким» (т. 1, с. 224).

Религиозно-философские записки, написанные им незадолго до освобождения, в 1845 г., подтверждают эту самооценку. В них он часто пользуется кантианскими терминами (например, *a priori*, *a posteriori*)²⁵, рассуждает на кантианские темы (о субъективности времени и пространства), сопровождая эти рассуждения восклицанием: «Канта бы тут почитать!»²⁶. Характерно и то, что свои визионерские опыты «пересоздания мира», имевшие место в Алексеевском рavelине, по выходе из заключения Батеньков описывал в терминах, близких (если не тождественных) кантовским. Рассказ Батенькова об этом начинается со слов «я так воображал: сам я творю мир»²⁷. Как известно, Кант, понимал воображение не только как «способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании», но и как «способность а priori определять чувственность»²⁸. Кант считал продуктивное воображение связующим звеном между рассудком и чувственностью; именно благодаря

²⁴ По сообщению П.И. Бартенева, А.А. Елагин был «усердным почитателем Канта, которого “Критику чистого разума” он вывез с собою из заграничных походов». – Полное собрание сочинений И.В. Киреевского... Т. 1. 1911. С. 6.

²⁵ См.: *Зенкин*. 2012. С. 81.

²⁶ Цит по: *Зенкин*. 2012. С. 41.

²⁷ Русские пропилен. С. 40.

²⁸ *Кант* 1964. Т. 3. С. 204, 205.

воображению, полагал он, основоположения рассудка соединяются с данными чувств, формируя феноменальный мир. В логике этого рассуждения получается, что воображение – это, в некотором смысле, и в самом деле, творящая мир сила, однако действует она в своей трансцендентальной функции априорно, бессознательно и произвольно. Имагологические опыты Батенькова Кант отнес бы к сфере произвольной фантазии, порождаемой продуктивным воображением, но вне его трансцендентальной функции. Батеньков же относился к своим опытам серьезно и фантазией их не считал – в этом проявлялась та экзистенциальная вулгаризация кантианства, о которой мы уже вели речь выше.

Кроме кантовской философии Батеньков использовал и более распространенные среди его современников инструменты биографической авторефлексии. В их числе – сентименталистский код «милого вместе» – «малого круга» чувствительных сердец, противопоставленного остальному свету, «эмоционального приюта» (по терминологии У. Редди²⁹), в котором чувствительные души находят прибежище в пустыне «холодного» мира. Таковым был дружеский кружок, в котором участвовали Батеньков и Елагин во время заграничного похода 1813–1815 гг. Сведения об этом кружке, известном под названием «Великого кагала», скудны, характер его не до конца ясен. В.Г. Карцов считал, что «за термином “кагал” в данном случае скрывалась масонская группа, вероятно, находившаяся на степени ученической»³⁰. Вряд ли с этим можно согласиться. Скорее, «Великий кагал» был интеллектуальной, литературно-философской игрой. Жизнь кружка, проходившая в атмосфере шуточного, юмористического и даже театрализованного (т.е. ориентированного на зрителей³¹) общения, была лишена столь свойственного масонству пафоса серьезности. Масонская терминология (если считать таковой ветхозаветные термины: первосвященник, мытари, фарисеи, саддукеи, Книжник) использовалась в кружке, скорее, пародийно. Бывший в нем в ходу «галиматейный» язык состоял не из масонских символов и иносказаний, как считал В.Г. Карцов, а из терминов и понятий шеллингианства. «Великий кагал» напоминает другой «галиматейный» кружок – знаменитый «Арзамас», который, по словам Ф.Ф. Вигеля, «сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических союзов»³². Однако нельзя отрицать, что и «Великий Кагал», и «Арзамас», не будучи масонскими ложами, все же находились в поле влияния масонских традиций. Оба этих кружка были, хотя и шутивными, но «братствами», а идеал «братства», «дружества», «тесного

²⁹ См.: *Виницкий* 2012.

³⁰ *Карцов* 1965. С. 29.

³¹ «...целые переходы окружал нас конвой слушателей и целые корпуса со всеми их штабами называли нас галиматейными философами» (т. 1, с. 224–225).

³² *Арзамас*. С. 78.

союза понимающих друг друга душ»³³, был впервые на практике перенесен на русскую почву именно масонами – московскими розенкрейцерами круга Н.И. Новикова. Этот же идеал был присущ и сентиментализму. «Тихая, покойная жизнь, далекая от всякой сутолки, в кругу нежных друзей, при этом чистая совесть – вот что готовит человеку тайные радости»³⁴, – так выражает его Маттисон.

Именно идеал «милого вместе» становится основным жизнестроительным кодом для Батенькова, когда, уволившись с военной службы, он в 1816 г. поселяется в Сибири и на него снова накатывает приступ страха и отчаяния, подобный тому, который он испытывал в детстве. В письмах Батенькова этого времени все настойчивее звучит мотив тоски, одиночества, душевной муки. Интенсивность этого переживания далеко выходит за рамки обычной ностальгии по прошлому. Батеньков ощущает себя заброшенным в далекую сибирскую пустыню, забытым, отъединенным от всего мира, называет Сибирь «темницею, совершенным адом» (т. 1, с. 132). В письмах к Елагину все с большей тоской вспоминает он о своих армейских товарищах. В этих воспоминаниях «Великий кагал» предстает уже не как веселое сообщество беззаботных молодых офицеров, а как «малый круг» друзей. Их верность, искренность, доброта противопоставляются зависти, двуличности и взаимной вражде тех людей, с которыми Батенькову приходится сталкиваться на гражданской службе. «Не смею сравнивать, во сколько раз собор таких людей хуже нашего кагала, арифметика еще не изобрела числа, которое бы могло выразить сие содержание» (т. 1, с. 108), – пишет он.

Но «кагал» рассеян, из его участников постоянную связь удастся поддерживать лишь с А.А. Елагиным, и дружба Батенькова с ним в это время приобретает особые черты, начинает «далеко выходить из пределов обыкновенного товарищества» (т. 1, с. 157). Из писем Батенькова к Елагину почти исчезает трагедийная шутка, литературная игра, на их место приходит пафос исповедальности и чувствительности. Дружеские отношения с Елагиным открываются Батенькову в необыкновенной глубине, получают совершенно исключительный экзистенциальный смысл, воспринимаются как основная онтологическая сила, удерживающая мироздание от хаотизации и распада: «...основание дружбы моей с тобою, – пишет Батеньков Елагину, – непоколебимо, и пусть вселенная обратится опять в хаос, все не будет беспорядок совершенный, ибо мы нарушим его своим согласием» (т. 1, с. 109). Свою привязанность Батеньков распространяет и на супругу Елагина Авдотью Петровну: «Не уделяю я дружбы твоей *Дуняше*, но обймаю обоих вас, как одно существо, одного единственного утешителя, какой остается мне в истинно страдальческой жизни моей» (т. 1, с. 119), – пишет

³³ Зорин 2001. С. 284.

³⁴ Цит. по: Веселовский 1904. С. 38–39.

он своему другу, поздравляя его со свадьбой. Семья Елагиных представляется Батенькову тем «милым вместе», в котором только и может найти приют сердце. Перерывы в переписке с ними действуют на него мучительно, и после одного такого перерыва, произошедшего по вине Елагиных, он почти в отчаянии взывает: «Вы одни составляете всю связь мою с миром – не оставляйте меня. Пустынный мрак страшен, одиночество тягостно, злоба людей люта – не оставляйте меня. Вами я примирюсь с роком, вами ощущаю собственное бытие мое, изъязвленное страданиями; без вас я не чувствовал бы биения сердца и в тот же хлад, в каком и все окружающее меня, погрузился бы»; «...вы для меня есть то, без чего я перестану быть я» (т. 1, с. 129–130). В этом же письме Батеньков высказывает свою заветную, но, казалось, неисполнимую, мечту – присоединиться к «счастливому сонму» семейства Елагиных: «Ах, если б мог принадлежать когда и как-нибудь к этому счастливому сонму!», – мечтает он (т. 1, с. 133). Осуществления своей мечты Батеньков собирался достичь с помощью женитьбы на дочери А.П. Елагиной М.В. Киреевской, которой в 1825 г. исполнилось 15 лет. Арест помешал этому. Выйдя из заключения, Батеньков попытался возобновить сватовство, но к тому времени Мария Васильевна вела уже полумонашеский образ жизни, и предложение не было принято³⁵. Тем не менее, мечта декабриста в конце концов осуществилась: последние годы Батеньков доживал в семействе Елагиных на правах друга и был похоронен рядом с могилой А.А. Елагина в его имении Петрищево.

В 1821 г., когда Батеньков переехал из Сибири в Петербург, его внутреннее состояние изменилось. Активная деятельность под начальством Сперанского увлекла его, открывшиеся перспективы карьеры манили. В декабре 1824 г. он познакомился с директором Российско-Американской компании И.В. Прокофьевым, в доме которого жил К.Ф. Рылеев. Началось общение с членами Северного общества, закончившееся трагическими событиями 14 декабря и арестом.

«Факт участия Батенькова в событиях 1825 г., если и не вполне случайный, то уж во всяком случае необязательный в логике его жизненного пути»³⁶, – замечает В.Н. Топоров. Согласимся с ним: действительно, «необязательный», потому что с момента сближения с декабристами в жизни Батенькова началась реализация новой, никак логически не связанной с предыдущей, биографической стратегии, на этот раз определяемой наполеоновским кодом: «в январе 1825 года пришла мне в первый раз мысль, – вспоминал он, – что поелику революция в самом деле может быть полезна и весьма вероятна, то непременно мне должно в ней участвовать и быть лицом историческим»³⁷. Возмож-

³⁵ См. об этом: Долгушин 2008. С. 97.

³⁶ Топоров 1995. С. 449.

³⁷ Восстание декабристов. Т. XIV. С. 95.

ности для этого открывались немалые: в Северном обществе не было администраторов такого уровня, как Батеньков, поэтому он, наряду с Н.С. Мордвиновым и М.М. Сперанским, был избран заговорщиками во Временное правительство на должность правителя дел³⁸. В случае установления конституционной монархии Батеньков питал (уже втайне от своих новых знакомых) надежду стать регентом при малолетнем Александре Николаевиче, реализовав таким образом вполне наполеоновское восхождение к вершинам власти³⁹.

Этот биографический проект прекратился не сразу после ареста. На первых допросах Батеньков довольно твердо, умно и спокойно защищался, а потом, напротив, старался взять на себя как можно больше вины, поскольку крах надежд на достижение власти подтолкнул его к мысли «искать, по крайней мере, историческую славу»⁴⁰.

Но 31 марта 1826 г. линия его поведения изменилась. Перемена произошла внезапно и была обоснована не логически, а психологически. Опять, уже в третий раз в жизни, Батеньков оказался охвачен вдруг накотившей волной знакомого нам панического ужаса. «Не сочтите меня сумасшедшим, – писал он в показаниях этого дня, – ежели открою странную тайну: я прямо чувствую присутствие со мною злобного духа, помрачающего разум, внушающего отчаяние, испровергающего все, что бы ни было сделано к лучшему. От него не спасут меня все цари в мире»⁴¹. Эти слова не были попыткой симуляции сумасшествия: как явствует из показаний декабриста 5 апреля 1826 г., они вполне искренне выражали его внутренние переживания⁴².

25 июля 1826 г. Батеньков вместе с другими осужденными выслушал приговор на кронверке Петропавловской крепости и вскоре был отправлен в крепость Свартгольм на Аландских островах. Естественной литературной моделью, с которой теперь, после крушения «наполеоновской» авантюры, Батеньков мог соотносить себя, была байроническая модель «шильонского узника». Ее подсказывали сами внешние обстоятельства: как и Шильонский замок, крепость Свартгольм располагалась на скалистом острове; как и Франсуа Бонивар, Батеньков оказался в мрачном сыром каземате. Возможно, именно эти литературные ассоциации в мае 1827 г. подтолкнули декабриста к написанию поэмы

³⁸ Там же. С. 65, 104–105.

³⁹ Там же. С. 100, 130.

⁴⁰ Там же. С. 111.

⁴¹ Там же. С. 108. Ср. в показаниях от 5 апреля 1826 г.: «я совершенно потерял рассудок и точно стал чувствовать присутствие какого-то мрачного духа, смущавшего мои мысли и чувства» (Там же. С. 111.).

⁴² Специальное исследование следственного дела Батенькова показало, что именно показания 5 апреля (и еще письмо Батенькова В. Левашову от 8 апреля), в которых он подробно объясняет свое поведение с момента ареста, «отражают истинный «ход дела»» декабриста (*Западный* 1984. С. 64).

«Одичалый»: в ней явно чувствуются реминисценции байроновского текста в переводе В.А. Жуковского⁴³. Сочинение «Одичалого» стало для Батенькова не только досужим занятием в томительно тянущиеся дни заключения, оно, оказалось и средством авторефлексии, способом интереоризации литературного образца – тем более, что по условиям тюремного режима Батеньков не мог записать свою поэму, а, следовательно, был должен все время держать ее текст в уме.

Теперь он ощущал себя не только «узником», но и поэтом, и именно «поэтический» код, оказался для него в условиях заключения наиболее перспективным. В июне 1827 г. он был переведен из Свартгольма в одиночную камеру Секретного дома в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где и прошли следующие 18 лет его жизни и где он пережил то, что сам потом называл «откровением». Началось оно в ноябре 1827 г. с ощущения «сильного пиитического восторга, неколебимой веры в Бога», а уже через два месяца, «в генваре или феврале 1828 года последовало действительное наитие духа». «Казалось весь покой, в котором я находился, наполнился волнующим пламенем, столько же видимым, сколько и понятным. Само собою разумеется, что пламя не могло сожигать, было невещественное и я разумел это. Разумел также, что со мною происходит то самое, что происходило с пророками в день пятидесятницы. С этого времени слагал уже я стихи чрезвычайно сильные и умные»⁴⁴.

На Страстной седмице он испытал дальнейшие «потрясения души»: стал слышать голос, которому беспрекословно покорялся; обнаружил, что «главное в христианском учении крест и воскресение», пережил «зримое умом чувство новой жизни»; осияние светом; наконец, ощутив на Пасху (25 марта 1828 г.) «высшую степень» восторга, «почувствовал себя Творцом, равным Богу, и вместе с Богом решил разрушить мир и пересоздать»⁴⁵. Через день «восторг» прекратился, «обыкновенный разум вернулся». Батеньков пришел в ужас от принятой им мысли о равенстве Богу и «не мог исчислить всех последствий сделанного преступления». Голос обличал его, «судил и осуждал»: «В прах! Вопиял он – и я должен был броситься на землю и разбиться. Целую ночь не мог я различить умер я или жив; голос уверял, что возвращен только для покаяния. Он поставил меня на колени на непрерывную молитву перед образом Троицы и мучил повелевая и отменяя свои повеления и изъяснения. Так простоял я на коленях целый месяц. Не знаю уже как; но стража совсем ничего не примечала». По всей ви-

⁴³ К их числу надо отнести и само название «Одичалый», восходящее, по видимому, к стихам из перевода Жуковского: «Наш голос страшно одичал», «я дико по тюрьме бродил». См.: *Зенкин* 2012. С. 118–119; *Илюшин* 1978. С. 28.

⁴⁴ Русские пропилен. С. 33.

⁴⁵ Русские пропилен. С. 34.

димости, к исходу месяца заключенный вернулся к более спокойному состоянию: «между тем понятие светлело и светлело, хотя голос ничему не наставлял, но я знал уже, что на языке слово»⁴⁶.

Вопрос об истолковании этого опыта и написанных под его влиянием текстов является *sic ut interpretationis* для всякого биографа Батенькова. В историографии были высказаны все три логически возможные позиции: 1) описанные Батеньковым состояния – не что иное, как психическая болезнь, настигшая его в Алексеевском равелине (Б.Л. Модзалевский); 2) эти состояния – реальный религиозно-мистический опыт (М.О. Гершензон); 3) этих состояний не было, была лишь их симуляция. Из перечисленных позиций безусловно должна быть отвергнута третья. Вряд ли можно вслед за А.А. Илюшиным утверждать, что декабрист во время одиночного заключения сознательно избрал романтическое «амплуа «безумца»» и разыгрывал эту роль в драме своих отношений «с сильными мира сего»⁴⁷. Для того чтобы разыгрывать роль, нужен не только актер, но и зрители – а зрителей как раз и не доставало оказавшимся в заключении декабристам⁴⁸. В ситуации одиночного заключения все амплуа, в т.ч. и романтическое амплуа безумца, оказывались бессмысленными и психологически невозможными: адресатами жизнестроительной игры Батенькова могли быть только тюремщики, совершенно не склонные воспринимать его поведение как что-то семиотически значимое. Конечно, адресатом мог стать и император Николай, при условии, что сведения о Батенькове дошли бы до него. Декабрист стремился к этому – как известно, в 1835 г. он добился передачи Николаю двух писем. Но трудно представить, чтобы узник надевал на себя маску безумца для такого крайне непродолжительного контакта или просто мстительной насмешки над императором⁴⁹. Приятель Батенькова М.М. Геденштерм высказывал другое предположение: «Батеньков симулировал сумасшествие, чтобы вырваться из каземата и попасть хотя бы в психиатрическую лечебницу»⁵⁰. Этому противоречит прямо обратный результат предполагаемой симуляции⁵¹, а также описание узнических переживаний Батенькова в текстах, написанных им после 1846 г., когда уже никакой нужды в симуляции не было.

⁴⁶ Русские пропилеи. С. 34–35.

⁴⁷ Илюшин 1978. С. 15.

⁴⁸ Именно с этим связывает Ю.М. Лотман «полную растерянность декабристов в условиях следствия», «в трагической обстановке поведения без свидетелей, которым можно было бы, рассчитывая на понимание, адресовать героические поступки». Лотман 1994. С. 355.

⁴⁹ Хотя позже он и говорил Е.И. Якушкину, что писал Николаю, исключительно «желая посмеяться над ним, причем приводил по памяти одно из писем, в котором называл царя свиньей» (Снытко 1966. С. 296).

⁵⁰ Там же. С. 296.

⁵¹ Единственной причиной содержания Батенькова в одиночке Николай I считал то, что он «был доказан в лишении рассудка» (Модзалевский 1918. С. 132).

Предположение о том, что в равелине декабрист перенес психическое заболевание, имеет больше аргументов в свою пользу. Сам Батеньков, хотя и не считал себя душевнобольным, но понимал, что находится у тонкой грани, отделяющей его от «действительного сумасшествия, слишком возможного в совершенном удалении от людей»⁵². Некоторые черты его поведения напоминают симптомы психотического расстройства. Прежде всего, это бросающаяся в глаза разорванность мышления, особенно ярко проявлявшаяся в записках Батенькова 1835 года, представляющих собой почти бессвязный, распадающийся текст (характерно даже его графическое оформление – каждое предложение начинается с новой строки)⁵³. Батеньков (будучи мастером систематизации и упорядочивания!) на этот раз оказывается совершенно неспособен придать своему изложению четкий план, а идеям – ясную репрезентацию: его речь даже не отрывочна, а обрывочна, непоследовательна, она изобилует вычурными образами, странными неологизмами, мысль как бы мечется в разные стороны. К психотическим симптомам можно отнести и голос, отдающий приказания (галлюцинаторный бред императивного характера), автоматизм (восприятие внутренних состояний как детерминированных извне), катотонический ступор (пребывание в одной позе долгое время – если верить Батенькову, в течение месяца), потерю ориентации во времени, мегаломанию. Наконец, к ним может быть отнесено и отсутствие потребности в контактах с внешним миром (т. 1, с. 245).

Если же интерпретировать состояния Батенькова как религиозно-мистический опыт, то перечисленные симптомы складываются в то, что в церковно-аскетической традиции, вдохновлявшей его в детстве, принято называть «прелестью», т.е. состоянием заблуждения, когда совсем не божественные воздействия принимаются за откровение свыше. Принятие голосов и видений, мысль о равенстве Творцу, смятение, отчаяние, порабощение воли указаниям «Ангела», ощущение себя пророком – эти и подобные им феноменологические черты опыта Батенькова заставляют отнести к этому опыту крайне осторожно.

Произошедшее с Батеньковым в заключении, не было ни политической игрой, ни попыткой «оформления» жизни по лекалам литературного образа героя-безумца, ни мистическим озарением свыше, сопровождаемым разгадкой тайн мироздания. Оно было не позитивным, а негативным событием – очередным приступом хаотизации, подобным тем, которые Батеньков пережил ранее (в детстве, в 1816 и 1826 гг.), вызванным либо психической болезнью, либо одержимостью мистического толка. Именно в этом состоянии у него появляется мысль о пересо-

⁵² Русские пропилеи. С. 34.

⁵³ Исследователям этого текста стоило немалых усилий «вчитывать» в него связный смысл, там, вероятно, присутствующий, но артикулированный исключительно хаотически. См. попытку обнаружить политический смысл: Карцов 1965. С. 167–184.

здании мира. Идея эта, сначала его увлекшая, а затем ужаснувшая, имеет сложную филиацию. Она могла интерпретироваться (и позже интерпретировалась) Батеньковым по-кантиански. Но в ней явно ощущается и влияние ренессансного герметизма, усвоенного им, вероятно, из розенкрейцерства, оказавшего мощное воздействие на мистическое масонство в России. Батеньков подобно розенкрейцерам был склонен отождествлять слово и постигаемую «суть вещей»⁵⁴. Главным итогом своего «откровения» он считал то, что «узнал на языке слово» («высшее слово»)⁵⁵, чувствовал себя «властелином языка»⁵⁶, способным создать новый мир, а ведь именно в рамках герметически-каббалистической традиции, идущей от Пико делла Мирандолы, считалось, что язык⁵⁷ является «изоморфным знаком»⁵⁸ всего сущего, и овладение им открывает путь к магическому преобразованию мироздания. Розенкрейцерским элементом в переживаниях Батенькова была и неосторожная интерпретация его экстатических состояний как результата действий «Ангела»⁵⁹, и предчувствие скорого обновления человечества, стоящего на пороге «важных изменений в науке, в общежитии, в уставах и формах, в верованиях, понятиях и убеждениях, свершивших свой круг в последних веках»⁶⁰ (впрочем, это нетерпеливое «палингенистическое» чувство было свойственно и всему XIX веку, богатому на разного рода утопии).

Но розенкрейцерские идеи были для Батенькова скорее частью его смутного опыта, чем выходом из него. В поисках же выхода он, как мы видели, отшатнулся от безумной мысли сравняться с Творцом и устремился к «обыкновенной жизни»⁶¹. Овладение словом, власть над языком, состояние «безбрежности» стали пониматься им, скорее, не как магический инструмент, а как поэтическое вдохновение, которому он, в шеллингианском стиле романтической эпохи, придал мистический смысл. Плодом этого вдохновения стала написанная Батеньковым в заключении «Тюремная песнь», вобравшая в себя традиции

⁵⁴ Ронинсон 1990. С. 65.

⁵⁵ Русские пропилен. С. 35.

⁵⁶ Когда заботы оставляя, / Душа бессмертная парит, / По воле всем располагая, / Мир новый для себя творит. / Мир светлый, стройный и священный; / Тогда один я во вселенной, / Один – и просто Божий сын; / Как пульс огнем, не кровью бьется, / Тогда-то песнь рекою льется, / И языка я властелин (*Мейлах* 1975. С. 213).

⁵⁷ Имеется в виду первоначальный, данный Богом язык, который необходимо отыскать и постичь.

⁵⁸ Колчинский, Сытин, Смагина 2004. С. 8.

⁵⁹ Розенкрейцеры полагали, что с XVI–XVII вв. «человечество начало проникать в высшие, ангелические сферы» и «именно ангелы отныне направляют идейное развитие человека» (*Йейтс* 1999. С. 392). В розенкрейцерскую парадигму укладываются и математические увлечения: математика в розенкрейцерстве считалась магическим способом воздействия на земной и небесный мир.

⁶⁰ Русские пропилен. С. 33.

⁶¹ Русские пропилен. С. 35.

одической поэзии М.В. Ломоносова⁶², Г.Р. Державина⁶³, С.С. Боброва⁶⁴, физико-теологической оды в целом⁶⁵. Она написана в духе ветхозаветной пророческой эсхатологии, радостно воспевающей грядущее спасение мира, где «волк и ягненок будут пастись вместе» (Ис. 65, 25), «вместо терновника вырастет кипарис; вместо крапивы возрастет мирт» (Ис. 55, 13). В ней нет катастрофизма апокалиптики⁶⁶, и преображению мира не предшествует временное господство зла. Батеньков с упоением описывает распахнувшийся простор не того смятенного пространства, которое напугало его в детстве, а преобразенный простор, наполненный людьми и животными, реками и городами, океаном и небесами, соединенными в ликующую гармонию освященного Богом космоса.

Лирический герой «Тюремной песни» – вовсе не розенкрейцерский «посвященный», это тайнозритель⁶⁷ и поэт, и, может быть, больше поэт, чем тайнозритель. Именно поэзия, а не наука (в отличие от розенкрейцеров) является для него силой, способной «сплавливать гарь хаоса» в космическую гармонию. Обращаясь к поэзии, он молит:

Небесная, не разлучайся,
Ты все возносишь и живишь,
Не в меру падшему являйся,
Его одна ты воскресишь!

⁶² Особенно «Оды, выбранной из Иова».

⁶³ Ср., напр., стихи из «Тюремной песни» «Мое же тело – тля и яд. // Узвальный грехом, страдаю, / Мучитель, мученик, но царь, / Служить бессмертью уповаю / Хаоса сплавливая гарь» (Мейлах 1975. С. 219) со знаменитыми стихами из державинской оды «Бог»: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю; / Я царь, – я раб, – я червь, – я Бог!», «Хаоса бытность довременну / Из бездн Ты вечности возвал» (Сочинения Державина... 1864. Т. 1. С. 201, 197).

⁶⁴ Зенкин 2012. С. 143–151.

⁶⁵ О физико-теологической поэзии см.: Левитт 2006. С. 57–70.

⁶⁶ См.: Большой библейский словарь. С. 65.

⁶⁷ М. Левитт рассматривает часто встречающиеся в одах Ломоносова «ссылки на зрение» как апелляцию к библейскому контексту, а именно к Откровению Иоанна Богослова (Левитт 2004. С. 368). «Тюремная песнь» не менее «окулярноцентрична», чем ломоносовские оды, и так же заключает в себе множество аллюзий на Апокалипсис. Призыв к созерцанию рефреном повторяется в начале ее 34–37 децим: «Смотри! Там лаву по долине / Седая Этна разлила...», «Смотри! Вот там под небом тихим / Течет красавица Нева...», «Смотри! Вот там орел летает...», «Смотри! Как рванный плащ собою / Окутал землю океан...», ср. также начало 23 децимы: «Возри в окно твоих чертогов...» (Мейлах 1975. С. 220–221, 217). Из Откровения Иоанна Богослова Батеньковым явно заимствованы такие образы, как упомянутые в 9 дециме «Иоаннова жена» (ср. Откр. 12, 1) и дракон (ср. Откр. 12, 3), жена с кинжалом из 4 децимы (ср. Откр. 17, 1–2). Начало 7 децимы («Светися, красная, светися / В холмах седых, Россия-мать! / До пальм Сиона вознесия / Его с тобою благодать» (Мейлах 1975. С. 220–221, 217. С. 210–211)) отсылает к образу нового Иерусалима (Откр. 21, 2), возможно через посредство ирмоса 9 песни пасхального канона («Светися, светися, новый Иерусалиме, ликуй ныне и веселися Сионе...») св. Иоанна Дамаскина (ср. также Ис. 60, 1). Постоянно встречающиеся в «Тюремной песни» образы орла и льва переключаются с образами апокалиптических животных из Откр. 4, 7.

Когда твоим помажешь духом,
Цари ко мне склонятся слухом
И пожелают, чтоб им пел.
В едином царстве не вмещуся,
Со всем потомством обумуся.
Вот сан поэта и удел.

Этой децимой заканчивается «Тюремная песнь». Поэзия в ней выступает воскрешающей и всеоживляющей силой, а поэт – наставником царей. Подобная «поэтологическая» концепция была апробирована в русской культуре XVIII в., когда, по наблюдению В.М. Живова⁶⁸, произошла сначала сакрализация оды как своего рода стихотворной придворной проповеди, поэта – как проповедника, а потом (в связи с предромантическим пониманием творческого вдохновения как особого откровения свыше) – и как «пророка», призванного наставлять царя на путь истины. В 1820–1830-х гг. такая концепция переживала второе рождение⁶⁹, и поэтико-профетические опыты Батенькова вполне вписывались в контекст эпохи. Несомненно, в условиях заключения она сделалась для декабриста новой моделью биографической авторефлексии. Батеньков явно сознает себя не просто поэтом, но поэтом-пророком, обязанным (подобно ветхозаветным пророкам) возвещать царю «громы» – грозные обличительные речи. Их мы и читаем в письмах декабриста Николаю I, написанных в январе – феврале 1835 гг.

Б.Л. Модзалевский однозначно квалифицировал рассуждения, содержащиеся в этих письмах, как «бред»⁷⁰. Однако нельзя не заметить, что в «бред» Батенькова есть устойчивая тема – тема профетизма⁷¹. В первом из писем он довольно пространно рассуждает об избрании пророков, затем о том, что «люди обыкновенно не понимали и не веровали» им, причем в его профетологическую концепцию интегрируется и мотив безумия: пророки казались безумцами, но лишь потому, что их «судили мертвыми буквами», а не «чувством правды и истины». Относя себя к пророкам, он требует, чтобы под председательством кого-либо из архиереев был образован комитет для выслушивания от него «слова». Чем дальше, тем изложение становится сбивчивее, экзальтация нарастает, но пророческая самоидентификация сохраняется, хотя подчас и брезжит уже сквозь мрак накачивающего безумия: «Что такое Пророк? / Человек, которому Бог давал Слово. / Станем говорить просто как было». Пророческие речи, по мнению Батенькова, могут быть «грубы и дерзновенны». Именно таковы его инвективы в письме царю: «Государь, ты дурак – и тут уж кнут», «ты думаешь, легко учить Царей. Надобно, чтоб кровать вертелась над тобой; когда пошлю ноту. А в лицо

⁶⁸ Живов 2002. С. 638–681. См. также: Лотман 1993. С. 128.

⁶⁹ См.: Долгушин 2011. С. 37.

⁷⁰ Модзалевский 1918. С. 119.

⁷¹ См.: Анненкова 1989. С. 127–128.

говорить стану – это громы»⁷². Записи из второго письма императору, «страшные по своей бессмыслице»⁷³, как уже говорилось, доносят рассыпавшийся и грамматически, и семантически текст. Они, действительно, производят впечатление хаотического бреда. В них нет ничего от того светлого и радостного чувства, которым наполнена «Тюремная песнь». Хаос опять берет верх над Батеньковым: кажется, что время теряет свои очертания, и пространство теряет свою измеримость. Геометрия, по Канту – наука о пространстве, и алгебра, по Канту – наука о времени, оказываются бессильны. Как оружие из рук смертельно раненного бойца, они выпадают из рук сраженного Батенькова. Нет больше сил укрощать мир плетью закона, нет больше сил давать ему порядок и строй. Ни изысканное законничество Сперанского, ни суровые регламентации Аракчеева не помогут. Наступает хаос бессмыслицы.

Мы не знаем всех перипетий последующей внутренней борьбы декабриста, но вряд ли ошибемся, если сочтем, что к исходу тюремного срока она завершилась, и психический кризис был преодолен. В написанных после освобождения текстах Батеньков размышляет о своей биографии лишь ретроспективно. Он считает, что «сделал все, что мог, из своей жизни» (т. 1, с. 246), и «теперь настает время дать отчет в долголетнем употреблении заимствованных от неба сил»⁷⁴. Смятенные порывы учительства и мессианства остаются позади. На смену им приходит внутреннее примирение⁷⁵. «Я с христианскою покорностью храню мир в душе моей» (т. 1, с. 223), – рассказывает он в письме от 12 марта 1847 г. и 10 мая 1847 г. продолжает: «Я привык быть всем доволен и хотя часто говорю строго и горько, но не помню ни одного дня в жизни, который бы кончил ропотом. Чувство божией благодати проникло весь мой состав, и в нем нет места, не занятого любовью к людям. Она пресуществовала во мне всякое чувство зла, и мне все кажется, что я недозволено еще терпел. Это потому не самохвальство, что я не могу и хвалить себя» (т. 1, с. 223). В нем прочно поселяется «чувство благоговения и благодарности Творцу» (т. 1, с. 264), ощущение того, что «все творение свято» (т. 1, с. 265). Отсюда периодически возникающая в его переписке второй половины 1840–1850-х гг. «экологическая» тема. Батеньков рассуждает то о необходимости беречь лес, т.к. «строительные материалы – такой же дар Божий, как и хлеб» (т. 1, с. 264), то о воз-

⁷² *Модзалевский* 1918. С. 118, 120, 121, 125.

⁷³ Там же. С. 123.

⁷⁴ Батеньков Г.С. – Елагиной А.П., письмо от 26 мая 1850 г. (РГАЛИ. Ф. 236. О. 3. № 6 (письма Г.С. Батенькова А.П. Елагиной). Л. 1 об.)

⁷⁵ Совершенно неверно утверждение А.А. Илюшина о том, что на свободе «Батеньков оставался «демонической личностью», сложившейся в эпоху романтизма и исключительных жизненных обстоятельств» (*Илюшин* 1978. С. 17). Письма Батенькова свидетельствуют об обратном, никакого «демонизма», и даже байронического бунтарства или разочарованности, декабрист не культивировал.

можном таянии льдов Северного Ледовитого океана «от огненного дыхания сгущенной цивилизации» (т. 1, с. 273), то просто с любовью описывает природу Сибири и, особенно, «красавицу нашу Томь», которая «вседневно ласкает меня своими быстрыми и светлыми струями» (т. 1, с. 241) (Батеньков ежедневно купался в этой реке по утрам, начиная с весны и до поздней осени). Это чувство восхищения примиренной гармонией мироздания знакомо нам по «Тюремной песни» – недаром Батеньков постоянно цитирует ее в письмах 1853–1855 гг. (т. 1, с. 261, 279, 281, 351, 368, 369, 370). Да и инструментом биографической авторефлексии, используемым в поисках разгадки собственного существования, для Батенькова в это время становится, как мы видели, далекий от душевных бурь категориальный аппарат немецкой философии.

Нашел ли Батеньков эту разгадку? Создал ли он в конце концов свою биографию? Скорее всего, нет. В течение жизни он пытался сформировать ее, используя то сентименталистский код «милого вместе» (отношения с семейством Елагиных-Киреевских); то код кантианской философии, понятой как способ структурирования времени и пространства (инженерная, административная и законотворческая деятельность); то «наполеоновский» код (декабризм); то романтический код «узника» (поэма «Одичалый»), то код поэтической теургии и пророческого учительства (тюремные записи и, отчасти, «Тюремная песнь»), но ни одна из этих биографических стратегий не стала для него окончательной. В этом, очевидно, и заключена разгадка «странности» личности Батенькова. Его биографический путь дискретен. Он не был (если пользоваться лотмановской терминологией) «человеком без биографии» и не был «человеком с биографией», он был человеком в поисках биографии, при этом каждая найденная им биографическая стратегия в определенный момент подвергалась деконструкции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С.* Ритм как теодицея // *Он же.* Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Связь времен. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. С. 408–411.
- Анненкова Е.И.* Гоголь и декабристы. М.: Прометей, 1989. 174 с.
- Арзамас:* Сб. в двух книгах. Кн. 1. / Вступ. ст. В. Вацура. Сост., подг. текста и коммент. В. Вацура, А. Ильина-Гомича, Л. Киселевой и др. М.: Худ. лит.-ра, 1994. 606 с.
- Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813–1856) / Изд. подг. А.А. Брегман, Е.П. Федосеева. Иркутск: Восточно-сибирское кн. изд-во, 1989. 528 с.
- Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 2: Сочинения. Письма (1856–1863) / Изд. подг. А.А. Брегман, В.Д. Юшковский. Иркутск: Иркутский музей декабристов, ООО «Ар-тиздат», 2016. 740 с.
- Большой библейский словарь. / Под ред. У. Элуэлла, Ф. Камфорга. СПб.: Библия для всех, 2005. 1503 с.
- Ведьмин О.П.* Масон Северного общества. Гавриил Батеньков: вольный каменщик и декабрист // *Родина.* 2002. № 2. С. 64–66.
- Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Императорская АН, 1904. 548 с.
- Виницкий И.* Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте»: обзор работ по истории эмоций // *Новое литературное обозрение* 2012. № 5. С. 441–460.

- Восстание декабристов. Документы. Т. XIV / Под ред. ак. М.В. Нечкиной. К печати подг. С.А. Селиванова, А.В. Семенова при участии К.Г. Ляшенко. М.: Наука, 1976. 508 с.
- Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (методология анализа в социогуманитарном знании). Одесса: ЧП «Фридман», 2008. 372 с.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. СПб.: Императорская АН, 1864. 812 с.
- Дмитриева Ю.В. Автобиографическая проза Г.С. Батенькова. Дисс.... к. филол. н. СПб., 2006. 212 с.
- Долгушин Д., свящ. К биографии архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской Духовной миссии // Богословский сборник. Вып. 4. Новосибирск: Новосибирская епархия РПЦ, 2008. С. 83–107.
- Долгушин Д., свящ. Литургическая тема в павловском цикле стихотворений В.А. Жуковского // Русская литература в литургическом контексте: сб. научных статей. / Отв. ред. Л.А. Ходанен. Кемерово: КГУ, 2011. С. 35–47.
- Дубин Б.В. Слово – письмо – литература. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
- Живов В.М. Апология Герцена в феноменологическом исполнении: («Философское мировоззрение Герцена» Г.Г. Шпета) // НЛЮ. 2005. № 71. С. 166–174.
- Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // *Он же*. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 638 – 681.
- Западный В.А. Следственное дело декабриста Г.С. Батенькова // Вестник МГУ 1984. Сер. 8: История. № 4. С. 54–66.
- Зверев В. М. Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в. (некоторые аспекты изучения) // Декабристы и русская культура. / Отв. ред. Б. С. Мейлах. Л.: Наука, 1975. С. 27 – 57.
- Зенкин М.А. Мировоззрение и творчество Г. С. Батенькова в контексте русской культуры 1820-х – 1840-х гг. Дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012. 205 с.
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. 416 с.
- Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение. М.: Алетейя, Энигма, 1999. 496 с.
- Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М.: Изд-во МГУ, 1978. 141 с.
- Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Канунова Ф.З. Батеньков и религия // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 62 – 64.
- Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 302, [2] с.
- Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965. 239 с.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб ИИ РАН; «Нестор-История», 2004. 242 с.
- Левитт М. «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста // XVIII век. Сборник 24 / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2006. С. 57–70.
- Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.
- Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // *Он же*. Избранные статьи в трех томах. Т. 3. С. 127–137.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // *Он же*. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 331–384.
- Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном аспекте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Он же*. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 365–376.
- Мейлах Б.С. «Гюрменная песнь» Г.С. Батенькова – поэма мужества и любви к родине // Декабристы и русская культура. Декабристы и русская культура. / Отв. ред. Б.С. Мейлах. Л.: Наука, 1975. С. 204–222.

- Модзалевский Б.Л. Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии // Русский исторический журнал. Кн. 5. Пг., 1918. С. 101–153.
- Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах. Т. 1 / Под ред. М. Гершензона. М.: Путь, 1911. 288 с.
- РГАЛИ. Ф. 236. О. 3. № 6 (письма Г.С. Батенькова А.П. Елагиной).
- Ронинсон О.А. Г.С. Батеньков: «Учение о слове» (1846–1863 гг.) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 883. Тарту, 1990. С. 65–76.
- Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. / Собрал и приготвил к печати М.О. Гершензон. Т. 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 353 с.
- Снытко Т.Г. Г.С. Батеньков – литератор // Литературное наследство. Т. 60. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 289–320.
- Топоров В.Н. Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 446–475.
- Чернов С. Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания. Вступительные заметки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 53–86.
- Шатиц М.И. Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект. 1—2) // Philologica 1997. № 4. С. 86–135.
- Юшковский В.Д. Бездонный космос души (миропонимание Г.С. Батенькова периода ссылки) // Сибирь и декабристы. Вып. 6. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. С. 198–212.
- Юшковский В.Д. Г.С. Батеньков: эволюция личности и мировоззрения в историческом контексте России первой половины XIX века. Дисс. ... к. и. н. Томск, 2007. 341 с.
- Юшковский В.Д. Участие Г.С. Батенькова в ложах «вольных каменщиков» и его понимание масонских идеалов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 118–123.

REFERENCES

- Averintsev S.S. Ritm kak teoditsey a // On zhe. Sbranie sochinenii / Pod red. N.P. Averintsevoi i K.B. Sigova. Svyaz' vremen. Kiev: DUKh I LITERA, 2005. S. 408–411.
- Annenkova E.I. Gogol' i dekabristy. M.: Prometei, 1989. 174 s.
- Arzamas: Sb. v dvukh knigakh. Kn. 1. / Vstup. st. V. Vatsuro. Sost., podg. teksta i kom-ment. V. Vatsuro, A. Il'ina-Tomicha, L. Kiselevoi i dr. M.: Khud. lit-ra, 1994. 606 s.
- Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma. T. 1: Pis'ma (1813–1856) / Izd. podg. A.A. Bregman, E.P. Fedoseeva. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe kn. izd-vo, 1989. 528 s.
- Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma. T. 2: Sochineniya. Pis'ma (1856–1863) / Izd. podg. A.A. Bregman, V.D. Yushkovskii. Irkutsk: Irkutskii muzei dekabristov, «Artizdat», 2016. 740 s.
- Bol'shoi bibleiskii slovar' / Red. U. Eluella, F. Kamforta. SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2005. 1503 s.
- Ved'min O.P. Mason Severnogo obshchestva. Gavriil Baten'kov: vol'nyi kamenshchik i dekabrist // Rodina. 2002. № 2. S. 64–66.
- Veselovskii A.N. V.A. Zhukovskii. Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya». SPb.: Imperatorskaya AN, 1904. 548 s.
- Vinit'skii I. Zagovor chuvstv, ili Russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote»: obzor rabot po istorii emotsii // Novoe literaturnoe obozrenie 2012. № 5. S. 441–460.
- Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XIV / Pod red. ak. M.V. Nechkinoi. K pechati podg. S.A. Selivanova, A.V. Semenova pri uchastii K.G. Lyashenko. M.: Nauka, 1976. 508 s.
- Golubovich I.V. Biografiya: siluet na fone Humanities (metodologiya analiza v sotsiologicheskoy znanii). Odessa: ChP «Fridman», 2008. 372 s.
- Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grota. T. 1. SPb.: Imperatorskaya AN, 1864. 812 s.
- Dmitrieva Yu.V. Avtobiograficheskaya proza G.S. Baten'kova. Diss. k. filol. n. SPb., 2006. 212 s.
- Dolgushin D., svyashch. K biografii arhimandrita Makariya (Glukhareva), osnovatelya Altaiskoi Dukhovnoi missii // Bogoslovskii sbornik. Vyp. 4. Novosibirsk: No-vosibirskaya eparkhiya RPTs, 2008. S. 83–107.
- Dolgushin D., svyashch. Liturgicheskaya tema v pavllovskom tsikle stikhotvorenii V.A. Zhukovskogo // Russkaya literatura v liturgicheskoy kontekste: sb. nauchnykh statei. / Otv. red. L.A. Khodanen. Kemerovo: KGU, 2011. S. 35–47.

- Dubin B.V. Slovo – pis'mo – literatura. M.: Novoe lit. obozrenie, 2001. 416 s.
- Zhivov V.M. Apologiya Gertsena v fenomenologicheskom ispolnenii: («Filosofskoe mirovozzrenie Gertsena» G.G. Shpeta) // NLO. 2005. № 71. S. 166–174.
- Zhivov V.M. Koshchunstvennaya poeziya v sisteme russkoi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka // On zhe. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tu-ry. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. S. 638 – 681.
- Zapadniy V.A. Sledstvennoe delo dekabrista G.S. Baten'kova // Vestnik MGU 1984. Ser. 8: Istoriya. № 4. S. 54–66.
- Zverev V. M. Dekabristy i filosofskie iskanija v Rossii pervoi chetverti XIX v. (nekotorye aspekty izucheniya) // Dekabristy i russkaya kul'tura. / Otv. red. B. S. Meilakh. L.: Nauka, 1975. S. 27 – 57.
- Zenkin M.A. Mirovozzrenie i tvorchestvo G. S. Baten'kova v kontekste russkoi kul'tury 1820-kh – 1840-kh gg. Diss. ... k. filol. n. Tomsk, 2012. 205 s.
- Zorin A. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka. M.: NLO, 2001. 416 s.
- Ieifs F. Rozenkreiterskoe prosveshchenie. M.: Aleteiya, Enigma, 1999. 496 s.
- Ilyushin A.A. Poeziya dekabrista G.S. Baten'kova. M.: Izd-vo MGU, 1978. 141 s.
- Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. T. 3. M.: Mysl', 1964. 799 s.
- Kanunova F.Z. Baten'kov i religiya // Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Vyp. 2. Tomsk: Izd-vo TGU, 1994. S. 62 – 64.
- Kanunova F.Z., Aizikova I.A. Nravstvenno-esteticheskie iskanija russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gody). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. 302, [2] s.
- Kartsov V.G. Dekabrist G.S. Baten'kov. Novosibirsk, 1965. 239 s.
- Kolchinskii E.I., Sytin A.K., Smagina G.I. Estestvennaya istoriya v Rossii (Ocherki razvitiya estestvoznaniya v Rossii v XVIII veke). SPb II RAN; «Nestor-Istoriya», 2004. 242 s.
- Levitt M. «Veчерnee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» i «Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» Lomonosova: opyt opredeleniya teologicheskogo konteksta // XVIII vek. Sbornik 24 / Otv. red. N.D. Kochetkova. SPb.: Nauka, 2006. S. 57–70.
- Levitt M. Oka kak otkrovenie: pravoslavnii bogoslovskii kontekst odicheskoi poezii Lomonosova // Slavyanskii al'manakh 2003. M.: Indrik, 2004. S. 368–384.
- Lotman Yu.M. Dekabrist v povesdnevnoi zhizni // On zhe. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.). SPb.: Iskusstvo, 1994. S. 331–384.
- Lotman Yu.M. Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom aspekte (K tipologii-cheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora) // On zhe. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Alek-sandra, 1992. S. 365–376.
- Lotman Yu.M. Russkaya literatura poslepetrovskoi epokhi i khristianskaya traditsiya // On zhe. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 3. S. 127–137.
- Meilakh B.S. «Tyuremnaya pesn'» G.S. Baten'kova – poema muzhestva i lyubvi k rodine // Dekabristy i russkaya kul'tura. Dekabristy i russkaya kul'tura. / Otv. red. B.S. Meilakh. L.: Nauka, 1975. S. 204–222.
- Modzalevskii B.L. Dekabrist Baten'kov. Novye dannye dlya ego biografii // Russkii istoricheskii zhurnal. Kn. 5. Pg., 1918. S. 101–153.
- Polnoe sobranie sochinenii I.V. Kireevskogo v dvukh tomakh. T. 1 / Pod red. M. Ger-shenzona. M.: Put', 1911. 288 s.
- RGALI. F. 236. O. 3. № 6 (pis'ma G.S. Baten'kova A.P. Elaginoi).
- Roninson O.A. G.S. Baten'kov: «Uchenie o slove» (1846–1863 gg.) // Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta. Vyp. 883. Tartu, 1990. S. 65–76.
- Russkie propilei. Materialy po istorii russkoi mysli i literatury. / Sobral i prigotovil k pechati M.O. Gershenzon. T. 2. M.: Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1916. 353 s.
- Snytko T.G. G.S. Baten'kov – literator // Literaturnoe nasledstvo. T. 60. Ch. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1966. S. 289–320.
- Toporov V.N. Ob individual'nykh obrazakh prostranstva: «fenomen» Baten'kova // On zhe. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. M.: Progress – Kul'tura. 1995. S. 446–475.
- Chernov S. G. S. Baten'kov i ego avtobiograficheskie pripominaniya. Vstupitel'nye zametki // Vospominaniya i rasskazy deyateli i tainykh obshchestv 1820-kh godov. T. II / Obsch. red. Yu.G. Oksmana. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1933. S. 53–86.

- Shapir M.I. Fenomen Baten'kova i problema mistifikatsii (Lingvostikhovedcheskii aspekt. 1—2) // *Philologica* 1997. № 4. S. 86–135.
- Yushkovskii V.D. Bezdonnyi kosmos dushi (miroponimanie G.S. Baten'kova perioda ssylki) // *Sibir' i dekabristy*. Вып. 6. Irkutsk: Irkutskii muzei dekabristov, 2009. S. 198–212.
- Yushkovskii V.D. G.S. Baten'kov: evolyutsiya lichnosti i mirovozzreniya v istoricheskom kontekste Rossii pervoi poloviny XIX veka. Diss. ... k. i. n. Tomsk, 2007. 341 s.
- Yushkovskii V.D. Uchastie G.S. Baten'kova v lozhakh «vol'nykh kamenshchikov» i ego ponimanie masonskikh idealov // *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2005. № 288. S. 118–123.

Долгушин Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедр литературы XIX–XX вв. и истории культуры Новосибирского национального исследовательского государственного университета; d_dolgushin@mail.ru

Searching Biography: the Batenkov case

The article considers the problems that arise in the course of studying the biography of G.S. Batenkov. “The biography” in the context of the article means the concept of structuring the experience-based on the “autoregulating designs”, life’s Gestalt” (the term by B. Dubin). In the role of such “Gestalt” Batenkov used the sentimental code of “cute together”, the code of Kantian philosophy, the “Napoleonic” code, a romantic code of “prisoner”, the code of poetic theurgy and prophetic teaching, but none of these biographical strategies became final. The development of each strategy was interrupted by devastating internal catastrophe. In this circumstances, obviously, lies the answer to the “strange” personality of Batenkov.

Keywords: G.S. Batenkov, biography, Decembrists, Russian Kantianism, Russian sentimentalism, Russian romanticism, the Elagins-Kireevskies

Dmitry Dolgushin, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Literature of the 19th – 20th Centuries and at the Department of History of Culture, Novosibirsk State University; d_dolgushin@mail.ru